

УТИЛИТАРНОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ

Некоторые вопросы теории

К настоящему времени аксиологическая теория эстетического, хотя и не одержала окончательной «победы» над концепциями «природников», «общественников», «эклектиков», тем не менее дает одно из наиболее убедительных толкований вопроса. Представление эстетического—и такой важнейшей его разновидности, как красота,—в виде ценности создает хорошую основу для исследования этого сложнейшего природно-общественного феномена. Но коль скоро мы взяли за исходную точку такое толкование, перед нами встают целью новые нерешенные проблемы и среди них одна из первейших—как же возникает эстетическая ценность, чем она отличается от других ценностей?

Несколько слов о методологии сравнения. Поскольку оно производится с единственной целью—выяснить специфику эстетической ценности, нет надобности соотносить последнюю со всеми возможными родами ценностей, больший смысл имеет сопоставление ее с ценностями лишь непосредственно с ней связанными. В истории эстетической науки такого типа «специализация» шла прежде всего, а во многих случаях и только, по генетическим каналам; выяснялось: какие ценности порождались эстетической ценностью или какие порождали ее.

При ответе на первую часть вопроса исследовалось облагораживающее воздействие на человека развития его эстетических чувств и эстетической культуры, а чаще всего рассматривалось идейно-воспитательное, познавательное, гедоническое, развлекательное и пр. значения одного вида эстетической ценности—искусства, его разнообразные общественные функции, характер воздействия на индивидуумы и социальные группы, участие художественного творчества в прогрессе нравственности и т. п. Искусство, овладевая человеком, определяет направление мыслей и чувств, проявляется в его действиях и тем самым оказывается в той или иной степени полезным или бесполезным. Но здесь всегда эстетическое произведение искусства трансформируется в утилитарное дей-

стве. Не случайно под воздействием художественных произведений не столько создавались новые произведения, сколько утончались чувства, облагораживались нравы, росло самосознание, совершались те или иные действия и т. д. Иначе говоря, эстетическое умирает в утилитарном, чтобы дать ему жизнь.

Какие же результаты мы имеем при ответе на вторую часть вопроса, чем порождается эстетическое? Там, где эстетическое не рассматривалось как чистая игра интеллекта, как одна из ипостасей божества, как незаинтересованное любование и т. п.; оно непременно связывалось с практической жизнью людей, а нередко и со сферой производства.

Истории известны учения, которые провозглашали искусство более древним и первоочередным по отношению к производству материальных благ; известны и убедительнейшие опровержения подобной точки зрения. Достаточно сослаться на критику Г. В. Плехановым концепции К. Бюхера. С тех пор в советской эстетике за неопровержимую аксиому взят вывод Г. В. Плеханова, **«что труд старше искусства, и что вообще человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения»** (выделено автором.—А. Е.)¹. Вариации, которые рано или поздно возникали и возникают (для примера можно сослаться на интересное уточнение, которое делает М. Каган², различая реальную и иллюзорную утилитарные функции, существовавшие в прикладном искусстве древности) не меняют существа дела.

При этом часто плехановская мысль толкуется расширительно: возникновение эстетической ценности из утилитарной объявляется (или подразумевается) **единственно** возможным и характерным **не только** для древнего искусства (а именно лишь по отношению к нему устанавливал свою закономерность Г. В. Плеханов в «Письмах без адреса»), но и для всего искусства. Иначе говоря, закон из локального (а в качестве такового его можно считать вполне доказанным) превращают (без должных обоснований) во всеобщий и ему придается абсолютный характер. Таким образом, положение Г. В. Плеханова, лишенное его первоначального сравнительно узкого смысла, приобрело характер предрассудка, из которого стали исходить априори. Это, в свою очередь, стало приводить к абсолютизации при установлении связи между утилитарным и эстетическим: одно не существует без другого, что вызвало немалую путаницу при трактовке эстетических проблем столь

¹ Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв. Т. 5, М., Соцэкиздат, стр. 354.

² М. Каган. О прикладном искусстве. Л., «Художник РСФСР», 1964, стр. 10.

популярного сейчас дизайна, да и не только его одного. (Сведение эстетического к функциональному, «технологизация» красоты или, напротив, «насаждение» эстетического всюду, где есть утилитарное, даже когда в этом не возникает никакой надобности).

На практике мы постоянно сталкиваемся с трудностями «расшифровки» тех или иных эстетических ценностей. Чем объяснить то, что красивым считаются густые брови, плавные переходы линий, белая береза, прямая осанка, легкая походка, звездное небо. Выработанная логика диктует нам: нашел прототип,—значит, объяснил. И. Ефремов³ весьма правдоподобно объясняет, что густые брови сперва лучше, нежели редкие, задерживали пот во время работы и тот не попадал в глаза. И поэтому брови получили положительную эстетизацию. Ю. Борев⁴ доказывает, что березка стала прекрасной, так как первоначально была хорошим строительным материалом, топливом и т. п.

Такого рода примеры можно было бы умножать до бесконечности⁵. Они—при всей их частой гипотетичности—способны не только указать на несомненную связь разновидностей эстетического с человеческой практикой, дать новые интересные штрихи в истории отдельных народов, но и могут помочь раскрыть «механизм» возникновения эстетических ценностей, лучше уяснить степень их трансформации из утилитарной в эстетическую.

И все же, какой заманчивой ни казалась бы нам перспектива таких расшифровок, она не может быть универсальной и не только потому, что в подавляющем большинстве случаев бесследно исчезли опосредующие звенья, связывавшие в прошлом утилитарное и эстетическое, стадии их взаимоперехода, но и потому, что: а) целый ряд эстетических ценностей не имел непосредственного утилитарного прототипа; б) система образования эстетических ценностей оказывалась намного сложнее и своеобразнее, чем однозначный путь—утилитарное—эстетическое; в) даже в тех случаях, когда эстетическая ценность возникала из утилитарной, она была результатом не одного практического значения, а многих (об этом специально ниже); г) эстетическое (следствие) настолько сильно отличалось от утилитарного (причина), что мы по существу имели дело с качественно новым явлением.

Объяснение первых двух особенностей вкратце состоит в

³ И. Ефремов. Лезвие бритвы. М., 1964, стр. 114.

⁴ Ю. Борев. Основные эстетические категории. М., 1960, стр. 122.

⁵ Желющие легко могут их найти в работах Э. Гроссе «Происхождение искусства», М., 1899; Ю. Липса «Происхождение вещей», М., ИЛ, 1954; Э. Тэйлора «Первобытная культура», М., 1939 и др.

том, что эстетическое, как относящееся к области духовной культуры (не случайно, Г. В. Плеханов так старательно подчеркивал важность для образования эстетических значений идей, связанных с теми или иными явлениями, а не самих этих явлений), обладает относительной самостоятельностью, и одни значения отпочковываются от других по аналогии, по принципу антитезы и т. д. Что касается искусства, то, поскольку передача эстетической информации невозможна в нем вне наслаждения, переживания, а вернее погружения в состояние, подобное воссоздаваемому в произведении, постольку начинают действовать законы контраста, соподчинения и другие, по которым и «вырабатываются» эстетические значения без какой-либо «привязки» к утилитарному. С развитием человечества возрастает роль косвенного опыта в жизни людей, а вместе с этим формирование эстетических ценностей становится все более относительно самостоятельным, приобретает более «книжный», отвлеченный характер и часто образованные таким способом эстетические ценности не имеют прямой утилитарной первоосновы, в силу чего их содержательность приобретает специфический по своей генеалогии и природе характер. Происходит своего рода филиация эстетических ценностей, хотя, наряду с этим, эстетические ценности по-прежнему продолжают образовываться из утилитарных. Иначе говоря, возникает несколько путей их образования.

И здесь мы подходим к главному предмету настоящих заметок. Как бы своеобразны ни были пути образования эстетических ценностей в разные эпохи у разных народов, все же эти значения качественно отличались от утилитарных, становились «иным» в рамках конкретного диалектического единства. Но тогда мы сталкиваемся с теми упрощенными толкованиями соотношения утилитарного и эстетического, которые, по существу, сводятся к их отождествлению. При этом «единая эстетическая сущность» художественной промышленности и эстетических явлений необработанной художественной природы усматривается в... наложении, совмещении эстетического и утилитарного. «Стоит вспомнить облицовку подземных дворцов метро и других сооружений, чтобы убедиться, что камень, находящийся там применение, одновременно выполняет и эстетическую и чисто техническую функцию»⁶.

И хотя другой пример (с алмазом) приводит автора к выводу, что эстетическое и утилитарное «часто выступают как разные аспекты употребления одних и тех же вещей, «не тождественны», он здесь же пишет, что и они (утилитарное и эстетическое,—А. Е.) не всегда совпадают», полагая такое совпадение в принципе возможным.

---

⁶ Проблемы эстетики, М., АН СССР, 1958, стр. 54.

Ошибочность приведенного рассуждения касается не только эстетической его части, но и, прежде всего, методологической. Оно основано на том, что объективные предметы полагаются существующими как изолированные миры, и свойства их проявляются в результате лишь им присущих особенностей, вне отношения с другими предметами и явлениями. Предмет оказывался носителем всех своих черт, которые ему имманентно присущи: камень и красив и полезен потому, что эти свойства заложены в нем⁷.

Между тем, утилитарное и эстетическое не есть **свойства** самого предмета, они принадлежат к роду ценностей, в которых свойства предмета (в данном случае облицовочного камня) раскрываются по отношению к другому (или другим) предмету и не прямо (как таковое), а через то значение, которое они имеют для другого предмета (в данном случае человека). Они будут разными и потому, что здесь проявляются разные стороны объекта отношения: облицовка может быть и из цементных плит, и из дерева, и из пластмассы, от чего утилитарное назначение материала остается прежним: он будет хуже или лучше—не в этом сейчас дело—сдерживать породу, а вот эстетическая его характерность изменается коренным образом: от красивого до эстетически нейтрального или даже безобразного: сравните московское метро с берлинским или парижским, обычную облицовку с временной, аварийной. Различия утилитарного и эстетического определяются и тем, что они соотносятся с разными сторонами субъекта отношения (в нашем случае — через человеческую потребность). Они по самой сути своей не могут ни «совпадать», ни «накладываться», ни «сливаться», а лишь **предшествовать** друг другу, **дополнять** друг друга, **находиться в единстве** или в противоречиях. Изменения утилитарной функции (или стороны) предмета может привести к изменению и эстетической функции (хотя не обязательно это подчиняется прямой пропорциональной зависимости), но это ни в коей мере не свидетельствует о их возможном тождестве, а лишь подчеркивает **взаимозависимость**, тем более, что исторически, если брать период зарождения значений, утилитарное, как мы уже отметили выше, предшествует эстетическому.

В чем же конкретно проявляются эти различия? Для удобства сгруппируем их по отдельным пунктам:

Утилитарно предмет может быть усвоен через **материальное** использование его свойств, в то время как эстетическое значение раскрывается через **духовное** его усвоение. Березо-

---

⁷ Не будем здесь подробно давать критику такого рода точки зрения, она есть в книге А. Уемова «Вещи, свойства, отношения», М., АН СОСР, 1963.

вая роща утилитарно может действительно проявиться: только тогда, когда она будет распилена на дрова, из ее деревьев изготовят утварь, предметы обихода и т. п., а эстетически она проявится без всякого материального превращения. Из этого вытекает: утилитарное значение предмета раскрывается **практически**, а эстетическое—**созерцательно**: мы любим рощей или живописной картиной, не меняя, «не преобразовывая» их.

Поэтому при эстетическом усвоении предмета мы находимся **вне** него, в то время как при утилитарном усвоении мы составляем с предметом единое целое, **комплекс взаимодействия**, где человек изменяет окружающий мир.

В этих условиях утилитарное трансформируется в эстетическое, изменяя как объем значения, так и его качество. Это хорошо было показано еще Ю. Боровым в его уже упоминавшейся здесь книге: положительная эстетизация человека (определение его как прекрасного) складывается из множества его утилитарных положительных значений: хороший товарищ, передовой, умный, морально устойчивый и т. п. Но эстетизация не есть эклектическое объединение этих положительных признаков, не есть простая сумма их, а есть преобразование, переплавка их в **новое** качество, где все составляющие предстают в **ином** виде. В понятии «прекрасный человек» непосредственно «не проглядывают» понятия «хороший семьянин» или «хороший производственник», они были лишь тем источником, из которого образовалось новое качество. Поэтому мало сказать, что утилитарное значение более узкое и более конкретное, а эстетическое более общее и более целостное, надо здесь иметь в виду, что это различные по самой своей сути **частное и целое**, хотя и могущие быть соотнесенными, благодаря их генетической связи.

Таким образом, утилитарное значение раскрывается прямо, «сразу» при «контакте» с предметом⁸, в то время как эстетическое неизменно требует трансформации конкретных реальных значений в более целостное образование, при создании которых определяющее значение имеет предшествующий опыт, законы аналогии или антитезы. Оно не может быть **неопосредованным**.

Это опосредование нередко приводит к тому, что эстетическое значение предмета, хотя и вытекает из утилитарного, может не согласовываться с ним и даже быть противополож-

---

⁸ Естественно, я отдаю себе отчет, что утилитарное значение раскрывается не «с первого взгляда», а что для его обнаружения требуются исследования многих ученых на протяжении длительного времени. Но суть состоит в том, что каким бы способом утилитарное не было обнаружено, оно всегда определяется по сравнению с эстетическим так, как отмечается в **этой закономерности**.

ным. Известен, например, варварский обычай средневекового Китая, когда ноги маленьких девочек заковывали в колодки, чтобы они не росли. Здесь вкусы господствующих классов сказались на суждениях о женской красоте, но то, что казалось прекрасным, мешало женщинам при ходьбе и при выполнении работы, было нецелесообразно и вредно с утилитарной точки зрения.

Только что рассмотренная особенность со всей определенностью показывает, что если утилитарное является **естественным, природным**⁹, то эстетическое по своему происхождению и характеру есть **общественное, социальное**. Не случайно и возникло оно в эпоху верхнего палеолита, то есть тогда, когда завершалась биологическая (природная) эволюция человека и сформировался человек современного типа—неантроп. Само эстетическое сложилось как средство, удовлетворяющее возникшую в обществе духовную потребность, как результат «утончения» чувств: проявившись же в искусстве, оно стало важнейшим фактором сохранения всей духовной жизни человека на новом «очеловеченном» уровне. И как бы сторонники «природнической» концепции ни пытались сейчас представить эстетическое естественным свойством предметов, они не только не могут доказать их существование, наряду с физическими или химическими свойствами вещей, но оказываются не в силах объяснить и изменчивость, «текучесть» эстетических значений с изменением общества. И перемены в интерьере, в моделях одежды, перемена в эстетических нормах и звучании произведений искусства—всего этого не понять, если игнорировать социальную природу эстетического. Даже явления природы, мир звезд и нашей планеты приобретает характер эстетической ценности через посредство того значения, которое они получают в жизни общества.

Указанная особенность приводит к тому, что утилитарные значения оказываются **более устойчивыми**, постоянными в сравнении с эстетическими, которые отличаются большей подвижностью, изменчивостью во временной протяженности и **большей относительностью** в рамках одной эпохи¹⁰. Даже такие сравнительно устойчивые по своим эстетическим значениям предметы, как благородные металлы или драгоценные

---

⁹ Этим не отрицается, что утилитарные качества предметов могут создаваться человеком. Здесь лишь подчеркивается природный характер даже тех свойств, которые «созданы» людьми. «Продукт процесса труда есть... вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы»,—писал К. Маркс (Капитал, т. 1, М., 1950, стр. 184).

¹⁰ Эта относительность обусловлена разницей национальных, классовых особенностей общества, предшествующих традиций и т. п.

камни, давали такой разнобой при их эстетизации (у многих племен в период великих географических открытий обнаружилось полное равнодушие к золоту и жемчугу, в то время как железо, стекляшки, медь казались куда более красивыми) и так быстро «эволюционировали», что никак не выходят за рамки общего правила.

Безусловно, приведенные здесь различия между утилитарным и эстетическим не исчерпывают всей суммы вариантов их взаимоотношений. Я отдаю себе также отчет, что в разных видах искусства, сферах труда и быта эти соотношения имеют свою специфику, проявляются больше или меньше, в этих и в других «признаках». Но думается, что указание хотя бы и на **некоторые** общие моменты затрагиваемой проблемы может оказаться небесполезным при исследовании специфики эстетического освоения действительности.
